

Тритон всплывает: Хвостов у Пушкина

Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Сочинения. -- М.: INTRADA, 1999.

Scan [ImWerden](#)

OCR Бычков М. Н.

Люблю тебя, Петра творенье...
(*"Медный всадник"*)

Единственный Петрополь, славный,
Краса Европы городов...
(*"Июль в Петрополе"*)

И Пушкин, и Хвостов -- певцы Петербурга (Хвостов сам называл себя певцом Невы); а в пушкинском описании наводнения, предсказанного и воспетого Хвостовым, не могли не всплыть и хвостовское название северной столицы, и хвостовский же тритон из "Оды М. В. Ломоносову" ("Оды" 1801 г., с. 112):

Внуши [ты, Ломоносов], что в рог Тритоны трубят...

Да и сам Хвостов, старомодный, верный традиции, как мифологический тритон, постоянно всплывает в творчестве Пушкина, возобновляя игру, начатую очень давно. Для всех поэтов начала XIX века Хвостов в какой-то (в основном ранний) момент творчества служил мишенью для насмешек и давал возможность оттачивать остроумие, но с Пушкиным его игра не прекращается и после Лицея, и после Арзамаса. Хвостов с Пушкиным постоянно, и Пушкин это знает.

В стихотворении "Городок" Пушкин вспоминает идиллические картинки ранней юности:

В досужий мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Она со всех сторон,
Все сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку
Играя разломал, --
Старушка все расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает все свое;
А я сижусь смиренно,
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда Свистова
В столице я внимал,
Когда свои творенья